

Наследство

Пьеса в I действии

Жак, смуглый брюнет невысокого роста, 45 лет

Эллен, брюнетка, 21 год

Софи, блондинка, 40 лет

Женевьева Фрезье, пожилая дама 70-80 лет

Первый мужской голос

Второй мужской голос

Женский голос

- - -

1955, юг Франции, морская набережная, кафе. Август, вечер.

На сцене два небольших круглых столика со стульями, позади – барная стойка.

Помещение расположено на сцене углом к заднику сцены – так, чтобы из зрительного зала в перспективе были видны входная дверь с окном (слева) и барная стойка (она тоже расположена углом к центру задника, параллельно общей перспективе) с дверью, ведущей в кухню (справа).

Тыльная стена помещения (а точнее – две), драпированная потёртым пёстрым ковром, занята полками со спиртным. С левой верхней стороны край ковра чуть приоторван от стены и свешивается вниз.

На стенах, перемежаясь с рыболовными сетями, развешаны горшки с растениями – их больше, чем бутылок на полках. Некоторые цветут, растения разбросаны по всему помещению.

Два круглых столика и четыре стула стоят по центру сцены. Ближе к правому краю сцены у стены, – там, где заканчивается стойка, – стоит торшер.

Помещение тускло освещено тремя толстыми полуоплывшими свечами, стоящими в блюдах на барной стойке и столах.

Над входной дверью висит среднего размера корабельный колокол рында, издающий умеренно интенсивный звон при открытии и закрытии двери.

На стойке – в самом её центре – на небольшом никелированном блюде лежит старое ржавое пушечное ядро.

Справа от ядра за стойкой располагается дверь, ведущая на условную кухню, в условную кладовую и в условный клозет. Слева от стойки, расположенной на сцене под углом – входная дверь и занавешенное, чуть приоткрытое окно, из которого время от времени на сцену и в зрительный зал доносятся пронзительные птичьи крики.

—

Из радиоприёмника, стоящего под полками за барной стойкой слева, слышна музыка. Жак в клетчатой рубашке и потёртых джинсах неторопливо протирает барную стойку грязной тряпкой.

Жак достаёт из брючного кармана увесистые серебряные часы на цепочке, осматривает их, открывает с некоторой заминкой, смотрит время, закрывает часы и убирает в другой карман.

Жак

Ну вот, пожалуйста: десять. Явятся они или до полуночи здесь торчать? А штопор-то вчерашние унесли, точно Вернье. Да и чёрт с ними.

Ищет что-то под стойкой. Выйдя из-за стойки с несообразно большим относительно прочих предметов интерьера помятым алюминиевым чайником в руках, Жак подходит к подоконнику и поливает из него расставленные по подоконнику растения в тёмных горшках.

Спотыкается, проливает воду на джинсы. Осматривает нанесенный одежде урон.

Жак

Дерьмо...

Отряхнув воду с ног и полив растения, Жак возвращается за барную стойку. Достает из под стойки стеклянную бутылку и осторожно льёт в неё воду из чайника. Наполнив бутылку примерно до двух третей, убирает чайник под стойку, бутылку ставит на стойку справа от железного шара.

Определив чайник под стойку, Жак оборачивается к стене с полками, снимает с одной из них бутылку коньяка, отпивает небольшой глоток прямо из горлышка и ставит бутылку на стойку слева от железного шара.

Кричит чайка.

Звенит колокол и в заведение входит Элен. В руках Элен теребит маленькую сумочку.

Элен

Мсье, вы здесь? Какой громкий у вас колокольчик...

Жак

Проходи, проходи, не стой там.

Эллен

Сколько здесь цветов! А что, никого ещё нет? Что-то совсем у вас темно.

Добрый вечер, мсье!

Жак (весело)

Цветы все тебе! Ты вот зашла и так светло стало, что не надо никакого электричества. Лучше выходи за меня.

Эллен (присаживается за стойку слева от Жака ближе к двери)

Что вы такое говорите, мсье, как можно! Только днём хозяина вашего в печи сожгли, а вы морочите девушке голову. Бедный мсье Диор.

Жак

Как завещал старый чёрт, так его и сожгли.

Эллен

Да какой же чёрт, мсье?! Самый добрый был из всех моих знакомых.

Жак (усмехается)

Это Жан-Поль-то добрый?

Эллен

Добрый, конечно. Сил нет, как жаль его. Только в понедельник был. Как лавку я открыла – так он и зашел, в самую рань. Шёл тихонечко, по стенке, еле-еле. А сегодня от него остался только пепел, у меня не укладывается в голове, мсье!

Жак

Рак. Вен было не найти, все исколол, старый мерзавец – вот и распорол. А всё чёртово дерьмо.

Эллен

Какое же дерьмо, мсье?

Жак

Героин.

Эллен

Героин!? Подумать только!

Жак

Героин, да. Пару последних лет он кололся. Ладно. Наследство теперь будем делить.

Эллен (*разглядывает один из стоящих на барной стойке горшков со странноватого вида растением, поглаживает лист*)

Какой необычный. А как называется, мсье?

Жак

Понятия не имею. Жан-Поль всё знал, а я только знаю какие когда поливать.

Эллен

Очень красивые цветы. Как вы думаете, мсье, скоро ли остальные придут?

Жак шарит на стенке у входа в кухню, щелкает выключателем. В окно падает размытый столб света

Жак

Смотри-ка, починили. Вообще-то уже должны быть здесь.

Щелкает выключателем, отчего загорается лампа над барной стойкой и в помещении становится значительно светлее. Наклоняется ближе к Элен, улыбается

А давай-ка выпьем.

Элен

Ой, я не знаю... Жарко.

Жак (задувает горящие свечи, стоящие на барной стойке)

Это всё сирокко. Шампанского?

Элен

Что вы, какое шампанское в такой печальный день? Вы уж лучше налейте мне воды, будьте так добры.

Жак (наливает воду и протягивает стакан Элен)

Давай лучше со мной коньячку, нервы отлично успокоит.

Элен

Ну, если только каплю.

Жак (наливает коньяк)

Любимый коньяк Жан-Поля (двигает бокал по барной стойке).

Эллен

Правда? Спасибо, мсье (делает маленький глоток, морщится).

Жак (наливает коньяк себе в бокал)

Салют, Эллен! (пьёт)

Звонит колокол, кричит чайка.

Входит вымотанная тяжелым днём Софи. Софи около 40 лет. Волосы убраны в "конский" хвост, на лице видна косметика. На плече у неё сумка.

Софи

Ничего себе звоночек вывесили! Ну и пылища здесь, совсем у тебя нечем дышать. Привет, Жак! И ты, прости...

Эллен (улыбаясь)

Эллен. Здравствуйте, Софи.

Софи

Чао. Совсем я вымоталась. Чёртова пыль.

Жак

Это всё сирокко. Проходи, садись, вон. Коньяк будешь? Давай с нами, за упокой души отца.

Софи (присаживается за стойку справа от Жака, снимает сумку и вешает её на спинку высокого барного стула)

А чего коньяк? Лучше холодного пива. Жарко.

Жак

Пива нет.

Софи

А, ну давай тогда коньяк, помянем.

Жак наливает.

Софи слегка щелкает пальцами по листьям одного из растений, оглядывается по сторонам, замечает шар

Смотрика-ка, ядро тут.

Печально усмехается, оглаживает старый, в ржавчине, железный шар, лежащий на барной стойке справа.

Жак

Точно.

Софи

Бедный отец (делано плачет).

Эллен

Как же я вам сочувствую, мадам. Это так тяжело – потерять отца.

Софи

Мало мне отца, так еще и Анри утром чуть не убился. А что это у тебя? (Вдруг тычет пальцем в шею Эллен)

Эллен (косится себе на грудь)

Я, мадам... Это мсье пару месяцев назад мне подарил.

Софи

Пару месяцев?

Эллен

Ну да, пару, может быть и раньше, я не помню точно.

Жак

А что с Анри?

Софи (трёт виски руками)

Машина утром сбила. Перелом правой ноги.

Эллен

Боже мой, какой ужас!

Жак (подходит с бутылкой коньяка и коньячным бокалом, ставит бокал на стойку)

Как это? Вот, выпей.

Жак льёт в бокал из коньячной бутылки, протягивает Софи, бутылку ставит перед собой на стойку справа от ядра.

Софи

Утром перед автобусом в Авиньоне наехал какой-то подонок, даже не остановился.

Эллен

Пресвятая дева Мария!

Жак

И как он сейчас?

Софи

Да нормально сейчас, в больнице, Шарлотта за ним смотрит. Всё сегодня сразу как-то навалилось.

Жак

Сочувствую. Ты выпей – сразу и полегчает.

Софи

Воды нальешь? На кой черт здесь столько цветов? Вы что, продаёте их?

Жак (смеётся)

Да кому они нужны? Это всё твой отец. Держи (наливает из бутылки стакан воды, протягивает Софи).

Софи

В детстве, помню, всё дома горшками было уставлено, пол в земле, мама вечно метёт и ругается. Приносил, уносил, сажал, пересаживал.

Жак

Поливать надоело: больно уж много, ещё и на табуретку залезь, так не достать.
Позавчера свалился, чуть шею себе не свернул.

Удар колокола, крик чайки и в кафе входит мадам Фрезье. Мадам Фрезье – солидная женщина 70 лет, тучной комплекции, в широкополой белой шляпе и просторном светлом льняном платье, в руках у неё небольшого размера, но и не маленькая чёрная деревянная шкатулка. К платью мадам Фрезье в районе обширной груди кривовато приколот французский военный крест времён Первой мировой.

Мадам Фрезье (поднимает глаза вверх, ища источник звука)

Ну и пылища. Здравствуйте!

Жак

Это всё сирокко, мадам. Добрый вечер, мадам. Вы проходите, пожалуйста.

Мадам Фрезье

Благодарю.

Софи

Добрый вечер, мадам.

Элен

Здравствуйте, мадам.

Мадам Фрезье

Что ж, друзья мои, следует выполнить последнюю волю Жан-Поля. Тут прах покойного и теперь, согласно воле покойного, прах покойного надо упокоить в растения, произрастающие в стенах этого заведения. Согласно письменному завещанию покойного.

Жак

А в какие именно растения, мадам?

Мадам Фрезье

В завещании конкретные растения не указаны, поэтому, я так думаю, в те, до которых дотянуться проще, Жак.

Жак

И то верно, мадам. Ну, вы начните тогда сами откуда вам будет удобнее.

Мадам Фрезье

Хорошо, Жак.

Софи

Спасибо вам большое за всё, что вы сделали для папы, я перед вами в большом долгу.

Мадам Фрезье

Благодарить меня, Софи не за что: я выполняю его волю. Разве можно не выполнить волю покойного?

Мадам чинно подходит к стойке и снимает шляпу, кладёт её рядом с бутылкой и лежащим в угловом центре стойки поверх небольшого никелированного блюда

ржавым железным шаром. Ставит шкатулку на стойку, открывает её и осматривается.

Мадам Фрезье

Попрошу всех встать.

Все присутствующие в помещении встают со своих мест.

Мадам Фрезье (осматривается)

Хм... Жак, найдётся ложка?

Поискав под стойкой, Жак находит довольно большую столовую ложку и, выйдя из-за стойки, подаёт её мадам Фрезье.

Жак

Да вот, пожалуйста.

Мадам Фрезье (принимает)

Благодарю.

Высыпав ложку Жан-Поля Диора под фикус, стоящий на стойке, мадам Фрезье кладет по ложке в цветы, стоящие на стойке, затем подходит к стене и кладет по ложке праха в несколько горшков висящих на стене. Примерно на десятом горшке прах заканчивается.

Мадам Фрезье

Вот и всё, дорогой Жан-Поль. Покойся с миром, друг мой, и пусть ты возродишься в этих прекрасных божьих творениях. Попрошу всех сесть.

Все, кроме мадам Фрезье, садятся.

Жак

Аминь. Вы проходите, мадам, присаживайтесь. Устали, поди, сегодня.

Мадам Фрезье (идёт, переваливаясь к стойке, кладёт ложку на стойку)

Не без того Жак. Ноги подводят, да и желудок плох. Возраст Жак. Вот ложка.

Жак (кидает с грохотом ложку куда-то под стойку)

Садитесь, мадам.

Мадам Фрезье (косится на свою грудь)

Один ещё момент. Все вы видите на мне этот крест. Военный крест, принадлежащий твоему деду, Софи, герою первой мировой войны Жан-Полю Диору, приколот ко мне согласно завещанию твоего отца Жан-Поля Диора для церемонии упокоения праха покойного Жан-Поля Диора в декоративных цветах, произрастающих на стенах этого заведения. Господа, я торжественно передаю крест дочери Жан-Поля Диора, то есть – тебе, Софи, чтобы ты передала его в свое время своему сыну Анри, внуку покойного Жан-Поля Диора согласно завещанию его деда, Жан-Поля Диора. Вот этот крест, храни же его с честью и достоинством.

Мадам Фрезье с некоторым усилием отстёгивает крест от своей груди и протягивает его Софи

Софи (принимает крест, кладёт его поспешно в сумку, висящую на спинке стула, шуршит в ней чем-то)

Спасибо, передам, мадам. Анри-то моему что крест, что бриошь: всё одно – в рот тащит, а я смотри, чтобы не подавился до смерти. Спасибо вам ещё раз за

всё, что вы сделали для папы, мадам (поднимает бокал с коньяком в сторону мадам Фрезье, отпивает из него).

Мадам Фрезье

На всё воля Господа, Софи. Такие дети, как твой сын – самые божьи возлюбленные и есть. На то и уповай.

Софи

Да я уповаю... Только Господь, видите, возлюбленных машинами давит и ноги им ломает.

Мадам Фрезье

Ты бы, Софи, последила за своим языком, а то ведь у мальчика руки есть, да и шея, слава богу, имеется.

Софи

И то правда, мадам.

На 2 секунды выключается свет и тут же включается обратно.

Жак (смотрит вверх)

Чёрт, опять барахлит. Ну, если что, *свечи* есть.

Достаёт из кармана брюк серебряные часы на цепочке, открывает крышку, смотрит время и убирает обратно

Давайте присядем и помянем как полагается. Выпьем, а там будем решать, как дальше быть. Прошу вас, мадам, проходите, присаживайтесь, сейчас я место освобожу.

Софи (оживляясь)

Не отстают часы? Лет-то им не меньше, чем двести. Помню, в кабинете у него на крючке висели.

Жак (несколько раздражённо)

А чего им будет, если в воду не ронять? Они в завещании отдельным пунктом, Перпиньяк сегодня зачитывал. Правда, тебя ещё не было, так ты возьми бумажку и почитай.

Софи (раздражённо)

Я же объяснила, почему на оглашение опоздала — чего это ты взъелся, бога ради? Завещание есть завещание, что я — не понимаю?

Софи шуришит в сумке, висящей на спинке стула, достает оттуда листок бумаги и кладёт его перед собой на стол

Жак

Извини. День сегодня непростой у нас всех. Располагайтесь, дамы, выпьем.

Жак идет за стойку, щелкает там чем-то, после чего включаются все лампы в помещении, от чего в бистро становится совсем светло, сдвигает один стол к другому, расставляет свободные стулья, ставит на стол бутылку коньяка, прозрачную бутылку с водой и бокал со стаканом для мадам Фрезье. Затем Жак идет к двери, запирает её изнутри, разворачивает к улице табличку надписью "Ferme", соответственно внутрь табличка глядит надписью "Ouvert". Возвращается за барную стойку.

Из окна раздаётся череда птичьих воплей, на которые обращают внимание все присутствующие на сцене.

Софи

Господи, да что же это они так орут? Больная она какая или дерутся?

Эллен

Очень тревожно птицы кричат.

Жак

Как окно сверху открывают или ещё какой шум – тут и принимаются. Гнездо у них, наверное, где-то здесь... Я-то привык, да и посетителям весело.

Мадам Фрезье

А что же, свой угол всякому ведь нужен... Ну и что, что птицы? Все мы твари божии.

Жак

Всё так, всё так. Выпьете, мадам? Это любимый коньяк Жан-Поля, мадам. Или, может, чего другого? Вина только не налью – штопор последний вчера украли.

Мадам Фрезье

Украли? Штопор? На кой чёрт он кому нужен?

Жак

Да рыбаки Вернье вчера бригадира праздновали – я штопор им и дал. А потом затеяли рожи друг-другу бить – девку не поделили. И девка-то не пойми что: длинная, тощая, какая-то вся с прозеленью, зуб вперёд торчит и тараторит громче чаек – без вина ни глядеть, ни слушать невозможно. Вина, правда, у них хватало. Перепились, сволочи, в хлам. Выгнал их, а штопора теперь нет.

Мадам Фрезье

Подарю тебе завтра новый.

Жак (смеётся)

Вы очень любезны, мадам. Так налить вам?

Мадам Фрезье

А налей воды, жарко. И коньяку я с удовольствием выпью, хоть мне и нельзя.
Желудок у меня, Жак, совсем худой. Старость, Жак.

Жак (*наливает воды и ставит стакан на столик*)

Какая же старость, мадам? Вы хоть куда! И желудок сейчас поправим.

Жак наливает в бокал коньяку и ставит рядом со стаканом с водой

Кричит чайка

Мадам Фрезье (*подходит к сдвинутым столам, оправляет юбку, садится на стул, берёт стакан с водой и отпивает*)

Скажешь тоже, Жак, “хоть куда”... Старость – она и есть старость. Знаешь как вспомню беднягу-соседа – так слеза и закипает. Я ведь к нему ходила и готовить и стирать. А как мы с ним беседовали! Обо всем можно было с ним поговорить, слушать он умел, как никто. Всё потому, что человек был хороший, душевный был человек, настоящий. Так давайте же выпьем за вечный покой его души.
Светлая тебе память, Жан-Поль.

Мадам Фрезье снова встаёт, поднимает бокал и отпивает из него.

Вслед за мадам Фрезье, Элен и Софи встают со своими бокалами из-за стойки, поднимают бокалы и отпивают из них. Жак, стоя за стойкой, делает тоже самое.

Жак

Дамы, а давайте за столики, там удобнее будет.

Дамы рассаживаются за сдвоенными столиками: Элен садится слева – ближе к входной двери, далее, точно между двух столиков лицом к залу располагается Жак затем Софи, и справа, неподалёку от торшера – мадам Фрезье. Все, кроме мадам Фрезье, развёрнуты лицами к зрительному залу: она сидит в полупрофиль.

Софи

Словами не передать, как я вам благодарна за папу, мадам! Только, кажется, вы меня вините, что он один был. Так вы же знаете, что разругались мы с ним аж в сорок четвертом. Папочка тогда сказал: езжай отсюда и никогда не возвращайся. Я, было, мириться приезжала, внука ему показать – так ведь даже на порог нас не пустил. Помню, кричит отец на лестнице, Анри рядом хнычет, а я окаменела и не двинуться, ни слова сказать не могу. Так и уехали мы в Авиньон.

(плачет)

А вы попробуйте-ка, поездите с таким. Он же как растение – ничего не слышит, не говорит и не понимает. Его и в больницу сегодня еле взяли. Спасибо Шарлотте, согласилась смотреть за ним (плачет).

Мадам Фрезье

Что поделаешь, Софи. Ссору вашу я тогда слышала: в подъезде Жан-Поль тогда что-то кричал, но я толком не расслышала. Любил тебя Жан-Поль, часто о тебе вспоминал.

Софи

Любил... К чёрту, давайте ещё выпьем.

Жак

Вот это правильно (льёт коньяк в бокал Софи).

Жак встаёт, подходит к торшеру и его включает. В помещении становится ещё немного светлее.

Внезапно за дверью слышится звук подъезжающей машины, резкий скрип тормозов, хлопает дверь авто, слышен грохот, – это звук упавшего горшка с пальмой, стоящего перед входом в кафе, – дёргается запертая входная дверь, затем раздаётся стук в неё, тут же кричит чайка и раздаётся нетрезвый весёлый мужской голос.

Мужской голос

Захир, открывай! Тут у тебя горшок с пальмой упал.

Жак (*подходит к приоткрытому окну и начинает в него говорить*)

Ты откуда взялся? Ишь ты, красивая. Лошадку купил?

Мужской голос

Лошадок тут много. Фасель Вега называется (икает). Вот ты мне скажи, зачем мне её покупать? Я же всё время в море. У капитана на вечер одолжил. Но капитан тоже все время в море... А ему зачем? Да... Сложно всё...

Жак (весело)

Скажи, зачем ты такой за руль полез? Убьешься или убьёшь кого. Ты же вдрызг пьян.

Мужской голос

А тебе какое вообще? Это... Я пьяный лучше трезвого. Сам уронил – сам и подниму (икает). Слушай, я с рейса к тебе, даже домой не зашёл, а ты на порог не пускаешь. Да пусти, Захир! (барабанит кулаком в дверь)

Жак

Тише, орешь тут. Чего так рано? Корыто ваше послезавтра ждали.

Мужской голос

А загрузили нас на два дня раньше – вот и пришли мы на два дня раньше. Корыто, ишь... Фруктовоз "Льеж"! Корыто ему... Так что, только послезавтра пустишь, Захир? (икает)

Жак (высовывается в окно, говорит приглушенным голосом)

Тут у меня вообще-то дамы.

Мужской голос

Я тоже хочу, чтобы дамы! Открывай, Захир!

Жак

Тихо ты! У нас горе: Жан-Поль вены себе порезал, сегодня в крематории сожгли.

Мужской голос

Хорошие у тебя новости, Захир.

Жак

Вот так. Кафе старый на четверых нам отписал, так что сидим сейчас и решаем, как дальше быть.

Мужской голос

Ты это... А давай, может, я выкуплю? Надоело в море болтаться, землю под ногами хочу. Деньги есть (икает). Продашь брату, Захир?

Жак

Завтра заходи, сейчас не до тебя, нам решать надо. Иди, иди, завтра увидимся. Только горшки больше не роняй.

Мужской голос

Ладно, поехал. Держи подарок с родины.

В окно влетает здоровенный апельсин, Жак его ловит и смеется. Далее слышен грохот упавшего горшка и пьяная ругань.

Я ничего не разбил. Всё, меня нет.

Хлопает дверь авто, заводится двигатель, машина с визгом уезжает.

Жак идет за стойку, берёт тарелку, нож и возвращается к сдвоенным столикам.

Жак

Фруктовоз "Льеж", ха-ха. Братец мой, коком на "Льеже" ходит.

усмехается, возвращается за сдвоенные столики, крест-накрест режет апельсин на четыре ровных дольки прямо на тарелке и на ней же их раскладывает

Угощайтесь, дамы.

Эллен

Кок – это ведь морской повар, мсье?

Жак

Морской повар, точно.

Эллен

А у вас что, два имени, мсье?

Жак

Два имени, да. Отец француз, мать арабка – вот и дали нам с братом сразу по два имени. Из Алжира мы родом, из Орана. Мы близнецы, только у него одного глаза нету, а у меня оба имеются (подмигивает девушке, смеётся).

Эллен

Вы уж простите за любопытство.

Жак

Да о чем ты, Эллен.

Софи (зло)

Как этот брат твой еле на ногах держится и за рулем ездит? Вот такой же моего Анри вчера покалечил.

Жак

Да уж, это он зря.

Софи

Да уж конечно зря. А я сейчас вспомнила про папу совсем из детства, ещё до войны. Мама тогда ещё жива, так мы всей семьёй на пикник поехали, в Люберон. Лассаль, папин поставщик, на ферму к себе нас пригласил всей семьёй. Помню, вокруг всё фиолетовое – цветёт лаванда, насколько хватает глаз. Мама разбирает корзину с едой и кулон этот (*указывает на шею Элен*) у неё на шее как маятник – вправо-влево, вправо-влево. Папа с Лассалем у реки с удочками, я на качелях лечу навстречу солнцу. Качели такие, знаете, на толстом суку платана прилажены и летят чуть не вокруг всего дерева. Ветер в ушах свистит, внизу поле пурпурное, и тут качели обрываются.

Элен (зажимая рот рукой)

Ох!

Софи (берёт ломтик апельсина)

Я тогда сломала обе руки, обе ноги и ключицу правую. И вот помню: только я сейчас летела навстречу солнцу, а вот уже ко мне несётся фиолетовая земля. Дальше только сплошная боль и ещё помню как он меня до больницы в ситроене вёз – рулил, плакал, и все время говорил: "Девочка моя любимая, хорошая моя доченька, ты только не умирай, только не умирай!" А я на заднем сидении лежу, голова у мамы на коленях и сквозь боль у меня в голове одна мысль вертится: "Что же тут так воняет дерьмом?"

Пытается выпить из бокала коньяк, который оттуда уже выпит. Всклипывая, ест апельсин..

Эллен

Выпало на вашу долю бед.

Софи

Да уж.

Мадам Фрезье

Слушай, а как же это Анри под машину угодил?

Софи

Мне в банк надо было до автобуса успеть, я Анри и взяла – дома нельзя долго одного оставить. Вот и пошла я в банк, мадам, а его у фонтана на площади с голубями усадила – он у меня с ними разговаривает, – так, бормочет чего-то им по-своему. Отлучилась на десять, может на пятнадцать минут а он, видно, со скамейки-то и встал. Тут какой-то на машине. Вобщем, двинул его машиной гад этот и дальше себе уехал, даже не остановился, будь он проклят. Анри мой в фонтан улетел, да не просто в воду, а сперва о бортик ударился. Я из банка-то на шум выскочила, смотрю, а вокруг фонтана люди кричат. Подошла – бог ты мой, – мальчик мой у фонтана лежит, нога вся в крови и вывернута как-то неловко. Ну, думаю: всё, нет у меня больше сыночка. Не знаю, как у меня там и сердце не лопнуло. Потом смотрю – шевелится. Да хорошо, что люди из фонтана успели вытащить, а то бы захлебнулся. Потом в больницу его определили с грехом пополам. Шарлотту присмотреть за ним попросила – одного такого они и брать не хотели.

Эллен (нервно крутит кулон)

Так мне вас обоих жаль...

Мадам Фрезье (сокрушённо качает головой)

А что же врач?

Софи

Анри, мадам, никак не меньше месяца пролежит, а может, и все два. Так что мне побыстрее обратно надо – Шарлотту отпустить.

Мадам Фрезье

С Анри, уверена, наладится – я авиньонскую больницу хорошо знаю, врачи там не из последних. Как, кстати, Шарлотта поживает? Всё такая же, хм, общительная?

Софи (всхлипывает)

Шарлотта, мадам, год как замужем за учителем из приходской школы. К мессе ходят, ребеночка ждут. Совсем скоро рожать ей. Так мы вместе и работаем, мадам, в парикмахерской.

Мадам Фрезье (*задумчиво берёт дольку апельсина, откусывая от него, вместе с кожурой. Жужа, рассказывает и тыльной стороной ладони утирает сок, капающий с губ*)

К мессе, значит? Ну и ну.

вздыхает, качает головой

И посылает же Господь... Ты ведь тогда тоже почитай целый год переломанная пролежала. А потом сразу мать.

Софи

Больше года, мадам. Год и четыре месяца в постели. Мамино лицо я уже не помню.

Эллен

А что же с мамой? Ой, простите!

Софи

Да ничего страшного. В тридцать пятом она погибла, ровно через два года после того случая с качелями. Плеснёшь?

Жак

Конечно. Тяжело, наверное, всё это вспоминать.

Софи

Сейчас уже нет. Мама в горах разбилась, сорвалась с тропинки в ущелье, так её и не нашли. В Сент Виктуар это произошло: к кресту пошли они с подругами, ребёночка одной стенографистке попросить. Мама моя в муниципалитете работала, день солнечный тогда был, ни облачка на небе. А тут ни с чего вдруг ветер сильный поднялся, целая буря, и она в пропасть сорвалась. Тело так и не нашли.

Эллен (участливо)

Вот уж правда, досталось вам сполна.

Софи (всматривается в шею Эллен)

Досталось, да не сполна. Скажи-ка, а как этот кулон к тебе попал?

Эллен

Янтарь?

Софи

Янтарь, янтарь. Отец к нему вообще отношения не имел, это по маминой линии наследство, как это он тебе его взял и подарил? Это маминой бабушки вещица – вон, и муха в нём. Заработала, видать? (зло усмехается).

Эллен (потупившись, тихо, но твёрдо)

Зачем вы так, Софи? Я надела его в память о доброте Жан-Поля, откуда же я могла знать, что он от вашей мамы остался? И разве я виновата в том, что он по доброте мне его подарил на память? Он сказал: "Вот, возьми, будешь обо мне иногда вспоминать." И сам на шею его мне дрожащими руками надел. Мсье еле ходил уже тогда.

Эллен (с сарказмом)

Ну, раз сам надел – тогда ладно. Девки-то постоянно рядом с ним крутились – постоянно домой водил, и всё разных. Так и жили, почитай, до конца войны, пока я от него в Авиньон не съехала. Ладно уж, отец, покойся с миром.

Жак (укоризненно)

Негоже такое об отце в день похорон говорить.

Эллен (тихо)

Вам должно быть стыдно, Софи, за то, что вы такое говорите. Ничего такого между нами не было и быть не могло. Он же был вчетверо меня старше. Как только вы можете...

Софи (раздражённо)

Чего это вы на меня все накинулись? Что я думаю, то я и говорю. Жак, следи-ка лучше за своим языком. Слова-то какие: “негоже”. Ты что, по воскресеньям кюрё подрабатываешь?

Мадам Фрезье (примирительно поднимает ладони вверх)

Ну-ну...

Реплику мадам Фрезье прерывает настойчивый стук в дверь, кричит чайка, раздаются женский и мужской смех. Говорит хриплый низкий разбитной женский голос.

Женский голос

Жак, а ну открывай скорее, мы замерзли, Жак! Жа-а-ак!

Элен вздрагивает от неожиданности и переглядывается с Софи.

Жак

Да что же сегодня, чёрт. Извините, я сейчас.

поспешно встаёт из-за стола и подходит к окну.

Как же это ты замёрзла, Люси, в августе месяце?

Женский голос

Без тебя и август холодный.

Жак (смеётся)

Опять за своё. Как пелось?

Женский голос (смеётся)

Я плохо не умею.

Жак

Это верно. Здоров, Марсель.

Мужской голос

Салют! Чего, как договаривались, так мы и пришли! Слышь, только со сцены слезла и сразу: когда к Жаку пойдём? Люблю, говорит, его – сил нет.

Женский голос

Да что ты несёшь, Марсó? Открывай скорее, Жак! Пусти скорей, выпить охота до смерти! Ну!

Мадам Фрезье укоризненно качает головой, кричит чайка.

Жак (в окно)

А ну-ка послушайте меня: Жан-Поль умер, сегодня сожгли. Сейчас поминки: дочь его пришла, соседка. Вобщем, давайте-ка мы с вами в другой раз.

Женский голос

Как сожгли?

Жак

Вены себе распорол, соседка его в ванной нашла, а в печку он сам письмом завещал.

Женский голос

Пресвятая дева Мария! Да давно ли он меня лапал, старый кобель? Ох, Жан-Поль... Упокой, Господь, твою грешную душу.

Софи усмехается в кулак

Мужской голос

Ладно, закройся, идём – видишь: не до нас тут. Мы пойдём, Жак. Приносим соболезнования.

Кричит чайка

Женский голос

Конечно, Марсё. Жак, прими наши искренние соболезнования. Ох, бедняга Жан-Поль... Ну, знаешь где найти нас.

Жак (вслед)

Да уж знаю, ещё бы.

Эллен

Это ваши друзья, мсье? Расстроились, наверное.

Жак

Точно, друзья, Эллен. Музыканты из “Одеона”. Люси поёт, Марсель – на аккордеоне. Выпить они зашли – мы с ними давно посидеть договаривались, а я и забыл совсем. Чего-то они без Клода – он у них на контрабасе.

Эллен

Контрабас – это такая большая скрипка, мсье?

Жак

Да, Эллен, скрипка такая большая, точно. Наверное, тоже где-нибудь сидит пьёт. Досталось недавно им: гитарист с ними приехал выступать, Кенни из Бруклина, здоровенный такой негр. Так он пару месяцев назад после концерта пулю в лоб словил. Наповал его убили, они тогда в переделку попали всем квартетом сразу после выступления. Тут неподалёку на набережной корсиканцы разбирались, палить друг в друга начали, а ребята мимо шли, вот Кенни и повезло.

Софи

Съездил Кенни на гастроли.

Эллен (таращит глаза, зажав рот кулачком)

Но как же...

Мадам Фрезье

Итальяшки эти совсем тут страха не знают. Плесните ещё капельку, Жак.

Жак

Конечно, мадам.

Мадам Фрезье

А я-то Жан-Полю в четверг ужинать несла. Сготовила бараньего рагу: думаю, пусть поест на ужин горяченького. Иду я, Жак, поднимаюсь к нему на этаж. Смотрю – да у него и дверь открыта. Постучалась я, а никто не отвечает: тут-то я неладное и почувала. Ну, пошла дальше. Смотрю – в гостиной на столе лампа горит, а под ней листок бумаги. Я сотейник на стол поставила, взяла записку, разворачиваю, читаю, а там написано: "Извините, я убил себя. Тело в ванной.

Вызовите жандармов". Подпись "Жан-Поль Диор" и рядом завещание в конверте лежит.

Эллен (зажимает рот рукой)

Какой ужас... И как же вы, мадам, такое выдержали?

Мадам Фрезье

Я, Эллен, в Центральной Больнице больше сорока лет хирургической сестрой отработала, так я там такого навидалась, что мертвые меня давным давно уже не пугают. Ну так вот, пошла я посмотреть на него. Захожу, а он в ванне при полном параде лежит: в костюме, в рубашке белой с галстуком, в ботинках и берете. Рука левая к полу висит. А на полу, в луже, куда из руки кровь натекла, валяется открытая бритва. Вода в ванной бурая и Жан-Поль под водой мертвый, только глаза открыты, будто два блюдца. Вокруг свечи зажжённые горят – штук десять, никак не меньше. Уже и оплыли все.

Жак (качая головой)

А чего он свечи-то зажёл? Хотя, в темноте, наверное, неудобно вены резать.

Мадам Фрезье

Ну так вот, вызвала я жандармов, поговорила с ними, да пошла к себе домой.

Софи

Бедный отец... (качает головой, смотрит в стол)

Эллен

Я бы точно в обморок упала. Глаза открытые, какой кошмар! Глаза у мсье Жана добрые-добрые были, голубые, как небо. Он, как в лавку-то зайдет, хитро

прищурится, да за щёчку меня ласково так рукой потреплет и говорит: "А что у тебя новенького, дочка? От парней, поди, отбоя нет? Мне как обычно." Очень последнее время был ко мне добр мсье Жан-Поль. (Утирает глаза рукой). Я прошлый-то месяц ему сама носила, он попросил. Ты, говорит, девушка молодая, ножки у тебя сильные, а мне ходить теперь трудно. Я и забежала газету занести – мне ведь правда было не трудно.

Софи

Домой ходила? Ну так всё понятно. Не так уж был и одинок мсье Диор, а? Глянь-ка, какие ножки, да и остальное в полном порядке.

Элен прячет лицо в ладонях, мотает головой и всхлипывает.

Жак

Софи, что ты такое опять несёшь?

Мадам Фрезье

Как тебе не стыдно, Софи! Подумаешь – попросил газеты занести.

Элен

Я приличная девушка. Зачем вы так со мной, Софи? (плачет)

Жак

Софи, ты ведёшь себя, как черт знает кто.

Мадам Фрезье (строго)

Посмотри, она совсем ещё девочка. Извинись перед ней.

Софи (тяжко вздыхает)

Извини, Эллен, нервы у меня, видно, совсем ни к чёрту. Ты же видишь, что у меня сегодня делается? Отец в печке сгорел, сын под машину попал, всё одним днём.

Эллен (всхлипывая)

Ничего, я ведь понимаю, каково вам сегодня.

Жак встаёт из-за столика, идёт к стойке, спотыкается обо что-то на полу, падает руками на стойку, задевает ядро, и оно вместе с блюдом с грохотом падает на пол.

Кричит чайка.

Жак

Дерьмо.

Жак подбирает с пола ядро водружает обратно во блюдо, в котором оно и лежало, ставит поднятую пустую бутылку на стойку рядом с ядром и шкатулкой из-под праха.

Эллен (заботливо)

Вы не ушиблись, мсье?

Жак (стоя у стойки, потирая левой рукой правую)

Есть немножко.

Эллен

А что это упало?

Жак

Это ядро упало. Софи, расскажи, что это за ядро, ты лучше знаешь.

Софи

От русской пушки.

Эллен (оторопело)

От какой пушки?

Софи

Отрывало прадеду голову этим ядром, ещё при Бонапарте. Прадед в 1812 году адъютантом у маршала Нея служил – в России это было, под Смоленском. А прадедов дружок приволок ядро обратно во Францию на память прабабке – большой был молодёц. Она от такого подарочка родила на два месяца раньше положенного. Всё детство этот бред выслушивала, всё детство.

Мадам Фрезье

Почему ты с таким пренебрежением говоришь о семейной реликвии? Тебе следует гордиться такой историей фамилии, а ты что же? Далеко не каждая семья имеет таких славных предков, далеко не каждая.

Софи

Это им повезло, которые не имеют.

Жак

Могла хотя бы проявить уважение в день похорон отца. Эх, ты.

Софи (взрывается)

А твоё-то какое дело? Что я такого вообще сказала! Почему это я должна себя виноватой чувствовать? Налей лучше ещё, да пора бы и к делам. Поздно уже.

Жак

О делах, так о делах. Хочешь ещё – давай за коньяк вместе платить, с этого и дела начнем.

Софи

А... Ну давай. Сколько тебе давать?

Эллен

У меня с собой совсем ничего нет. Может быть, я после рассчитаюсь? И пить мне не надо было, а то что-то совсем голова кружится.

Софи

Не пей, не пей. И не ешь. Иди ты домой, да ложись спать... Только долго не спи, а не то проспишь и в лавку опоздаешь.

Мадам Фрезье

Перестань, Софи!

Жак

Не переживай, Эллен, сочтёмся. Бутылка 100 франков, выходит с вас по 25. А я пойду на кухню, поесть соображу.

Софи

Ничего себе коньячок у тебя.

Жак

Это не просто коньяк, это любимый коньяк Жан-Поля, потому я его и открыл.
Камю Гранд Марк.

Мадам Фрезье

Какой день – такой коньяк. Вот, возьмите, Жак, я за всё заплачú. Берите, берите, хочу вас угостить.

Мадам Фрезье достаёт 100-франковую купюру из ридикюля, лежащего перед ней на столе. Доставши деньги, мадам Фрезье протягивает их Жаку. Жак подходит к столикам, берёт купюру, укладывает в нагрудный карман. Мигает и выключается на две секунды свет, затем включается обратно.

Жак

Благодарю, мадам. Опять мигает. Ладно, если что, свечи воткнём.

Жак уходит на кухню; через некоторое время оттуда начинают доноситься стук посуды и шипение сковород.

На сцене остаются три дамы

Софи

Откуда ты родом, Эллен?

Эллен

Монастырь Архангела Гавриила недалеко от Апта есть, я всю жизнь до 18 лет в нём прожила. Родителей своих не знаю: сестра Агнесса рассказывала только, что обоих немцы убили, когда мне два года было, а меня монашки за фермерскую сироту выдали, они меня и воспитали. Я и сама хотела после школы постриг

принять, да сестра Агнесса отговорила: из тебя, говорит, божья невеста не выйдет – больно много, сказала, в тебе жизни. Так я сразу после школы сюда и приехала, почти два года, как здесь живу – про родственников хотела разузнать – родители-то отсюда родом. Вот, разузнала: здесь никого не осталось, и неизвестно, жив ли кто и где. Я тут неподалёку комнату снимаю.

Софи

А с папой как познакомились?

Мадам Фрезье

Так она у нас в доме работает.

Эллен

На первом этаже. Раньше-то мсье каждый день за газетой заходил, вот мы и познакомились. Это последнее время я к нему сама поднималась. Очень был добр ко мне.

Софи (подмигивает)

А ты девочка отзывчивая. Признавайся: было, а? Не обижайся, с кем быть не могло. Мы тут все теперь свои и нечего на правду обижаться.

Эллен (прячет лицо в руках)

Ну зачем вы так со мной?! Да как только язык ваш поворачивается такое говорить!

Мадам Фрезье (гневно)

Прекрати вести себя, как последняя дрянь: кому рот открывать, да уж точно не тебе. Ты ему, конечно, дочь, да только после того, что, у вас с ним было, странно, что он вообще тебя в завещании упомянул.

Софи

А вы, мадам, жизни кого другого поучите. Я уже один раз извинилась – сколько раз ещё извиняться? Вы вообще какое право имеете о наших отношениях судить, да ещё перед посторонними людьми? Сами-то наследством, смотрю, не побрезговали? Оно вам-то зачем на старости лет, мадам? Вы же одна – ни детей, ни внуков, ни мужа, так для чего вам наследство-то? Отказались бы в пользу больницы, что-ли.

Мадам Фрезье (встаёт, возмущенно)

Да как ты смеешь мне такое говорить, Софи? Я тебе сейчас расскажу про больницу. Одна я с тех пор, как Жерар мой в шестнадцатом году из Вердена приехал без рук и без ног. Помню, пришла к нему в палату, а в кровати обрубок лежит весь в бинтах, только голова торчит и постанывает. Я тогда с ним обвенчалась в больничной часовне, покуда жив, да сестрой в хирургическую устроилась, чтобы ухаживать за ним. Неделью прожил мой Жерар, а я так хирургической сестрой и осталась, сперва младшей, потом уже и старшей. Так что вдова я, Софи, с девятьсот шестнадцатого года и ни на одного мужчину с тех пор не глядела. Ну, глядела, конечно – чего греха таить. А знаешь ты, что отец твой только благодаря мне этот год и прожил? Кто ему колол? Я ему колола, Женестьева Фрезье. Кто его кормил и обстирывал? Я, я кормила, я обстирывала. Не ты, а я. Кому он прах свой упокоить завещал? Мне завещал. Ты даже на кремацию явиться не изволила, а к Перпиньяку на оглашение завещания пожаловала после того, как он кончил его зачитывать. Так уж помолчала бы ты про то, что кому положено. Мёртвая воля священна и раз он всем по четверти отписал – значит все по четверти и получают. И прекрати девочку, обижать.

Помню я, чем вы тут с Шарлоттой занимались – сын твой вместе с тобой за то время и расплачивается. Мне такое говорить! Подумать только!

Софи (плачет)

Да за что же это вы мне... Да я ведь что же, специально что-ли на кремацию не успела? Анри-то перед кем провинился? Мало ему, ещё он и виноват...

Эллен (плачет)

Простите меня, Софи! Не знаю, чем я виновата, но вы простите, пожалуйста, меня. Ни разу я с папой вашим не спала, ни одной секундочки. Знаете, если хотите, я вам свою четверть отпишу, мне и продавщицей в лавке хорошо (теребит кулон).

Софи (плачет)

Прости ты меня, Эллен. Чёрт с ним, с кулоном. Завещание есть завещание. Прости меня, девочка, ни в чём ты не виновата.

Мадам Фрезье

Ну, довольно. Слезы утрите и больше никаких между нами конфликтов быть не должно. Закон есть закон – в завещании чёрным по-белому написано: по четвертой части на каждого, так из-за чего тут сцены закатывать? Мирно надо решить. Давайте будем уважать волю покойного, иначе для чего он её в завещании зафиксировал?

Софи и Эллен достают носовые платки и, громко сморкаясь, начинают устранять с лиц последствия пролитых слёз.

Из двери, ведущей на кухню, появляется Жак, на нем надет грязно-белый поварской халат, на голове у него такого же цвета поварской колпак. Через

плечо у него перекинута грязно-белое клетчатое полотенце. В правой руке Жак держит дымящуюся шкворчащую чёрную сковороду, в левой – ещё одну дымящуюся шкворчащую чёрную сковороду. Дамы смолкают. Жак подходит к столикам и ставит принесённую снедь на стол. Снимает халат, колпак, кидает всё это на барную стойку вместе с полотенцем.

Услышав всхлипывания и сморкания Софи и Эллен, Жак пристально взглядывается в их лица

Жак

Вы что, плакали? Ни к чему это, Жан-Поля нам не вернуть. Давайте лучше поедим.

Жак уходит на кухню, бренчит там и тут же возвращается держа в руках поднос, на котором миска с салатом, столовые приборы, тарелки, полуметровый багет и три разрезанных пополам лимона. Расставляет приборы перед женищинами, идёт за стойку, и достаёт из под неё вторую бутылку коньяка

Женщины с инетресом осматривают принесённую еду.

Мадам Фрезье

Поежинать – это можно. Аппетитно как пахнет у тебя! Сардины? Смотри-ка, золотистые.

Жак ставит на стол бутылку коньяка, вынимает рукой пробку и наливает в бокалы, затем руками разламывает багет на четыре части.

Жак

Точно, сардины, мадам. Вот, омлет и картофельный салат, мадам. Сардины вчера жарил, но они даже лучше свежих.

Софи (щурится)

А что-то они какие маленькие?

Жак (раздражённо)

Маленькие? Что значит маленькие? Все сардины маленькие. Не устраивает размер – не ешь сардины, иди куда и поешь китов – они все большие.

Софи

Господи, да что же вы все какие обидчивые? Ей богу, слова больше не скажу.

Софи принимается накладывать себе в тарелку омлет, сардины, затем салат, берёт кусок багета, выжимает в тарелку пол-лимона и принимается с аппетитом есть.

Эллен

А можно мне салат?

Жак (улыбается)

Да что твоей душе угодно, Эллен.

Жак подходит к уставленному чёрными горшочками окну и начинает срывать пучки растущей в них зелени. Возвращается к столам, кладёт зелень рядом с багетом.

Жак

Давай-ка, я положу.

Эллен

Совсем немного.

Жак накладывает салат в тарелку Эллен, затем начинает ухаживать за мадам Фрезье – кладёт ей и того и другого. Дамы благодарят.

Софи (накладывает)

А я сама положу. Я же обещала молчать... Молчу.

Жак

Нет уж, скажи, как тебе еда. А то ишь – сардины маленькие.

Софи (ест)

Ммм. Вкусно. Правда вкусно.

Жак

Ну, приятного аппетита, если так. Что ж, давайте за Жан-Поля, да и к делу пора. Совсем уже поздно, а завтра вставать.

Жак поднимает стакан, женщины тоже; чокаются и пьют.

Эллен

Так вы, мсье, всем тут сами и заправляете? И еду готовите и обслуживаете?

Жак

Раньше Жан-Поль в баре иногда стоял, а в последний год куда ему было? Только заходил изредка – сами знаете. Так что да, сам.

Эллен

Много, должно быть, вы работаете, мсье.

Жак

Иногда и сутками не вылезаю, смотря по делам. Вон, кровать в кладовой поставлена. Надоело мне, Эллен.

Мадам Фрезье (жуя)

Заведение внимания требует, это уж конечно, а как иначе?

Софи (жуя)

А большая ли бухгалтерия тут, Жак?

Жак (жуя)

Да какая тут, к чёрту, бухгалтерия. Купил-продал. Ладно, давайте поедим, а потом и поговорим.

Далее следует короткая пищевая пауза: Жак принимается за рыбу, омлет и салат, к нему присоединяются дамы и какое-то время, – секунд 20, – все присутствующие на сцене молча едят. Некоторое время поев, Жак отстраняется от тарелки, кладёт приборы на стол, берёт бутылку с коньяком, встаёт и разливает коньяк по стаканам.

Жак (разливая по стаканам коньяк)

Что ж, надо договариваться.

Мадам Фрезье

Итак, как вы знаете, Жан-Поль отписал четверым здесь присутствующим свою квартиру с мансардой, это кафе и содержимое своего банковского счета в количестве ста пятидесяти трёх тысяч франков – по равной четвертой доле от всего имущества на каждого из нас. Какие, значит, у кого будут по этому поводу мысли? Что думаете, Жак?

Жак

Я свою долю продам. Вон, братец кафе купить готов хоть сейчас – да вы сами слышали. Он хоть и пьяный, а серьезно предлагал. И квартиру тоже продадим.

Мадам Фрезье

Хм, понятно, значит, понятно, Жак. Что думаешь, Софи?

Софи

А что бы кафе не оставить? Деньги ведь оно приносит? Я бы могла тут управлять.

Жак

Я только что сказал: мне моя доля нужна деньгами, что тут непонятного?

Софи

Но ведь это память это о папе, как же память о папе продавать?

Жак, смотря в стол, качает головой, берёт стакан и выпивает содержимое залпом.

Жак

Память о папе продавать не хочешь? Ты про память о папе сыночку свистеть будешь или ещё кому, я-то прекрасно знаю, какая её цена. Хочешь память о папе – забирай ядро.

Софи

Ядро своё в зад себе засунь.

Жак (привстает)

Что ты сказала?

Мадам Фрезье (поднимает перед собой умиротворяюще руки)

Зачем нам скандалы? Решать спокойно будем. В конце-концов, можно всё и в суде решить, так зачем скандалы? Эллен, что ты думаешь?

Эллен

Мадам, так ведь я на всё согласная! Как решите – так и будет, я всё приму.

Софи (зло)

Ещё бы ты несогласна была – даром такая куча свалилась.

Эллен прячет лицо в руках, качает головой.

Жак

Ну ты и сука.

Софи

Да пошел ты.

Мадам Фрезье (бьёт ладонью по столу)

А ну-ка перестаньте и послушайте сейчас меня. Есть у меня знакомая с тех самых времён, как я в Центральной больнице работала. Знакомая моя швейную-прачечную большую держит, прачечная эта Центральную больницу обстирывает, обглаживает и обшивает. Белье постельное, халаты и прочие больничные тряпки стирает, чинит и гладит. Работает у Мадлены в подчинении человек не меньше двадцати: большая прачечная, доход хороший. Хозяйка по возрасту от дел отходить собралась и покупателя ищет, хочет продать в хорошие руки. Вот я и думаю: не хотите ли вы все откупить это дело на паях? Очень, очень надёжное, проверенное, выгодное, да к тому же и благое дело. Если всё продать и добавить со счета – денег хватит, ещё и останется. Эллен, что ты, значит, думаешь?

Эллен

Я же говорила вам, что на всё согласная, мадам: как вы решите, так и поступлю.

Мадам Фрезье

А вы что думаете, Жак?

Жак

Мадам, вы меня, как будто, тоже не слышали? Я сказал: мне деньги нужны, а дела мне никакие не нужны – ни благие, ни надёжные. Вы отдайте мне мою долю деньгами и делайте со своими долями что хотите.

Мадам Фрезье

Понятно, Жак. Софи, что ты скажешь?

Софи (задумчиво)

Даже не знаю, мадам. С одной стороны, прачечная – это конечно не то дело, которым мне бы хотелось заниматься, я бы лучше здесь занялась. Тряпки какие-то... С другой стороны, если вы говорите, что дело выгодное и надежное, так почему не подумать? Отец, наверное, был бы рад.

Жак (зло)

Ну ты подумай, опять она про отца. Оставь его в покое.

Мадам Фрезье

Можно ведь вашу часть вам деньгами, Жак – и миром, значит, разойдёмся.

Жак

Это другой разговор, мадам. Отдайте мне мои деньги и хоть прачечную заводите, хоть крематорий, а хоть бы и бордель (кивает на Софи).

Софи (встаёт за столом)

Ах ты, козёл... А сам-то подставлял очко? Помню отца прекрасно: имел он всё, что шевелится и мужиками не брезговал – застала как-то его с молочником прямо на кухне. Тьфу, как вспомню... Подставлял, подставлял – иначе с чего бы ты здесь вообще оказался?

Жак (встаёт за столом)

Да что ты несёшь, тварь? Ты где вообще лазила 10 лет, шлюха ты дешёвая? Я тут работаю сутками, а ты что же мне такое лепишь? Меня педрилой выставять перед всеми наследниками? Чтоб я с Жан-Полем? Ах ты, грязная нацистская подстилка, да как у тебя вообще язык твой повернулся, сука! Ты что же, думаешь, я не знаю, чего Жан-Поль тебя выгнал? Да ты же в 19 лет с эссэсовцем тут по всем углам отиралась, думаешь я не знал? И огрызок твой недоразвитый

от этого самого эссэсовца получился. Мне Жан-Поль всё тогда рассказал. Любви ей немецкой захотелось. Да отец твой ещё тогда от стыда чуть руки на себя не наложил. Хороша любовь, нечего сказать. Шлюха, проститутка ты, блядь оккупационная. (плюёт на пол.)

Софи стремительно вскакивает из-за стола, бросает начатую сигарету в сковороду с сардинами, при этом падает стул, Софи с неожиданной силой с размаху бьёт Жака кулаком по носу. Жак хватается за лицо, носовой хрящ у него сломан, из-под пальцев обильно течёт кровь. Софи, изумленная последствиями импульсивного своего поступка, замирает, зажав рукой рот.

Эллен (шепчет)

Вы ему нос сломали...

Мадам Фрезье

Софи, да что же ты, с цепи что ли сорвалась? У него же кровь хлещет! Жак! Дайте я посмотрю! Боже мой, Жак!

Жак стоит какое-то время, держась окровавленными руками за лицо, потом медленно их опускает, смотрит на них, затем берется за один из столиков, отшвыривает его в сторону, со стола летит сковорода с рыбой, сковорода с омлетом, миска с салатом и вся стоящая на нём посуда. Наполовину пустая бутылка CAMUS la Grand Marque, стоящая на соседнем столике, остаётся на месте, она развернута хорошо видной надписью в зрительный зал. Дамы брызжут в разные стороны: Элен с визгом отскакивает, Мадам Фрезье падает вместе со стулом, но тут же встаёт на ноги. Жак, не имея теперь перед собой никакого препятствия, молча устремляется к Софи, хватая её обеими руками за горло и начинает душить.

Софи хрипит и пытается сопротивляться, но тщетно. Через примерно 10 секунд удушения на процесс реагирует мадам Фрезье.

Мадам Фрезье

Господи, он её убьёт! Жак, ты её задушишь! Помогите кто-нибудь!

Жак продолжает сжимать руки на горле Софи, та совсем уже перестаёт сопротивляться и вдруг Элен срывается к стойке, на которой стоит прозрачная литровая бутылка без этикеток, хватая её за горлышко, неловко подбегает сзади к Жаку и с размаху бьёт его бутылкой в висок. Жак тут же отпускает руки, освобождая горло Софи, медленно разворачивается, смотрит безмолвно какое-то время на Элен, а затем тяжело обрушивается на пол. С виска стекает чёрная струйка. Освобожденная Софи падает на колени и начинает сильно кашлять, схватившись руками за горло.

Элен отступает на шаг назад, бутылка выпадает из её пальцев. Элен совершенно растерянна.

На сцене пауза – все действующие лица замирают без движения.

Элен (шепотом, закрывая рот кулаком)

Пресвятая дева Мария... Что же это...

Кричит чайка

Мадам Фрезье (осторожно подходит к телу)

Вот же чёрт... Ох ты... Как ты его!

Мадам Фрезье медленно поднимается, подходит к неподвижно лежащему на полу Жаку и осторожно проверяет ему пульс на яремной вене.

Не дышит. Точно, не дышит. Софи жива?

Мадам Фрезье подходит к Софи, та судорожно кашляет и отплевывается.

Софи (хрипит)

Жива, мадам, вроде бы.

Поднимается на ноги, держится за горло. Видит лежащего Жака, подходит ближе, видит голову в чёрной луже, опирается на барную стойку и свеивается за неё: её охватывает рвота.

Мадам Фрезье ходит в поисках воды, находит за стойкой кран с водой, наливает из под крана воду в стакан, несёт воду Софи.

Мадам Фрезье

Пей.

Мадам Фрезье протягивает стакан стоящей на коленях Софи, та принимает его и мелкими глотками выпивает. Затем Софи встаёт с колен, пошатываясь, садится за барную стойку, опирается на неё и, уронив в руки голову, начинает истерически рыдать.

Эллен в шоке стоит рядом со стойкой, закрыв рот рукой и смотрит, не отрываясь, на мёртвого Жака.

Мадам Фрезье, сев за один из устоявших столиков и тоже закрыв рот рукой, покачивает головой.

Эллен

Пресвятая Дева Мария... Надо, наверное, жандармов вызвать... Меня теперь в тюрьму? Или на гильотину? Я не хочу умирать.

Мадам Фрезье

Спокойно, спокойно. Мы одни, дверь, заперта, никого нет. Эллен, прекрати рыдать, иди закрой окно. Дверь проверь и свет погаси, пока с улицы кто не зашёл. Да-а-а. Качественно ты его приложила.

Эллен, всхлипывая, идёт к окну, закрывает приоткрытую раму и опускает жалюзи, на что реагирует тут же за окном чайка.

Эллен

Где же выключатель?

Мадам Фрезье

За стойкой у входа на кухню, он там включал. Свечи только сперва зажгите.

Софи, пошатываясь, встаёт из-за стойки, пошатываясь идёт за неё, берёт со стойки коробок спичек, зажигает по очереди стоящие в блюдах три свечи, затем идёт к стене, шарит руками, находит выключатели и щелкает ими несколько раз подряд. Сперва гаснет свет, падавший в помещение через окно, затем гаснут лампы внутри помещения. Помещение освещается тусклым светом трёх свечей, стоящих в блюдах на стойке.

Софи

Боже, что же теперь с нами будет (трёт рукой шею и лоб, возвращается к стойке и садится за неё)

Мадам Фрезье

Надо его куда-то деть. Так. Пирс рядом, там лодки, можно туда и тело. Только во что бы завернуть?

Софи

Мадам, да во что мы его тут завернём? Давайте так выкинем.

Мадам Фрезье

А если кто увидит?

Эллен

Может, в ковер?

Мадам Фрезье

В какой ещё ковер?

Эллен (указывает на стену за стойкой)

Да вот же ковёр – видите, край оторван.

Мадам Фрезье (подходит к стойке)

Ты смотри, и правда, ковёр. Так, давайте-ка бутылки на стойку, полки вниз.

Софи и Эллен заходят за стойку и начинают снимать бутылки со стены, переставляя их на стойку. Справившись, снимают полки и ставят их куда-то под стойку.

Мадам Фрезье

Давайте сюда ковёр

Женщины берутся с двух сторон за ковёр, и дергают его на себя, отрывая от стены. Он отрывается и частью падает на стойку, роняя составленные на неё бутылки. Поднимается облако пыли – ковёр не чистили с тех пор, как он там

висит. Женщины оставляют ковёр на стойке, обходят её и, взяв ковёр с другой стороны, расстилают его на полу рядом с трупом Жака. Возникает ещё одно облако пыли.

Эллен

А-Апчхи! Господи, как же мне теперь с этим жить! А-а-пчхи! (расправляет правую часть ковра)

Софи (энергично, расправляя левую часть ковра)

Ты мне жизнь спасла – значит, ты теперь праведница. А-а-пчхи! Чему вас только в монастыре вашем учили... А-а-пчхи.

Эллен (крестится)

Пресвятая дева Мария...

Мадам Фрезье (распоряжается со стаканом в руке, сидя за столиком)

Эллен, бери за ноги, Софи бери за руки и на ковёр его.

Софи и Эллен, послушно кряхтя, берутся за труп и, воротя от него лица, всё же подтаскивают его и переваливают на край ковра.

Эллен (всхлипывает)

Весёлый он был, добрый.

начинают закатывать труп в ковёр

Софи (зло)

Чуть мальчика моего сиротой не оставил, гад, туда ему и дорога. Погоди-ка, возьму должок.

Софи засовывает руку в левый брючный карман трупа, затем, не найдя там искомого, в правый и достаёт оттуда серебряные часы на цепочке. Нервно пытается отцепить цепочку от брюк и в конце-концов просто отрывает её с куском материи.

Софи

Чего уставилась? Что, в море их выбросить вместе с этим подонком? Тебе кулон – мне часы. Вот черт... (вытирает испачканные в крови руки об рубашку трупа). Ну-ка, держи ноги крепче. погоди, не заворачивай, я сейчас.

Софи подходит к стойке, берёт ядро, кладёт его в поварской колпак, лежащий на стойке рядом и засовывает в сверток со стороны ног.

Вот тебе память о папе, сволочь алжирская.

Женщины медленно заворачивают труп в ковёр, устало поводят плечами, потирают руки и смотрят на то, что у них получилось.

Эллен

Перепачкалась вся (смотрит на руки).

Мадам Фрезье

Так иди помойся.

Эллен уходит за стойку и тут же возвращается, тряся мокрыми руками. Туда же следом за ней протискивается мадам Фрезье.

Софи

Хватятся его, мадам. Нотариус знал про встречу?

Мадам Фрезье (задумчиво)

При нём договаривались. И эти, которые заходили. И братец. Хм, хм...

Софи

Как быть?

Эллен

Может быть, мне всё же стоит пойти в жандармерию и во всём признаться?

Софи

Да ты чего, милая?

Мадам Фрезье

Никто никуда не пойдёт. Сделаем так: Софи переночует дома и поедет в Авиньон. Ты, Эллен, значит, мышкой в лавку и тихо работай себе, а я завтра с утра сюда приду и найду кровь. В жандармерию, конечно, придется заявить. Скажу им, мол, посидели и разошлись, а как я последняя уходила, к Жаку итальянцы какие-то пришли, кричали громко. Если к вам придут – тоже скажете: поговорили, не договорились и решили через неделю встретиться. А там, глядишь, через три-четыре месяца и к завещанию вернёмся. И про прачечную подумайте.

Софи

Нашли вы время со своей прачечной... Прав был алжирец: продать всё и поделить. И черта с два я пойду ночевать туда, где папа в своей крови полоскался. Переночую в "Европе".

Мадам Фрезье (сухо)

Это уж как тебе угодно.

Эллен (дрожащим голосом)

Да как я буду работать после того, что сделала, мадам? Я и жить-то теперь спокойно не смогу.

Мадам Фрезье

Сможешь как миленькая. Или будешь в лавке улыбаться, или будешь гнить в тюрьме, если на гильотину не отправят. Понимаешь, о чём я?

Эллен

Понимаю я, мадам Фрезье, как же не понять. Я буду молиться.

Мадам Фрезье

Отличная мысль.

Софи (нетерпеливо)

Ну давайте же скорее, сил больше нет на него смотреть.

Мадам Фрезье (спокойно)

Спокойно, спокойно. Несите его. Только Эллен, сперва выйди и глянь, нет ли там кого.

Эллен открывает дверь, кричит чайка, звенит колокол. Эллен выходит наружу и примерно через 5 секунд заходит обратно.

Звенит колокол, кричит чайка.

Эллен

Вроде бы никого, мадам

Мадам Фрезье

Тащите к лодкам на пирс и на дно его.

Мадам Фрезье открывает входную дверь.

Звонит колокол, кричит чайка

Софи и Элен берутся с двух сторон за ковровый сверток и с видимыми усилиями, кряхтя, вытаскивают труп за дверь.

Дверь закрывается, звонит колокол, кричит чайка.

Раздаётся отчётливый громкий всплеск.

Мадам Фрезье надевает шляпу, опрокидывает опрокинутый столик, сбрасывает на пол со стойки стоящие на ней бутылки, сбрасывает со стен на пол несколько горшков с цветами.

Затем мадам Фрезье забирает висящую на спинке стула плетёную сумку Софи, роняет стоящие стулья на пол, идет к двери. Вдруг пристально всматривается в пол перед дверью, с кряхтением нагибается и подбирает с пола упавший с шеи Элен янтарный кулон, подходит к свечам, стоящим на стойке, рассматривает кулон на свету свечного пламени, затем кладет его в карман.

Мадам Фрезье (качает головой)

Надо что-то решать.

Мадам Фрезье подходит к стойке, задувает две свечи, одну горящую свечу вместе с блюдцем берёт в руку и, освещая себе дорогу к двери, медленно

выходит вон, предварительно задув последнюю свечу и бросив блюдо с ней на пол.

Выйдя вон, закрывает за собой дверь.

Звучит колокол, кричит чайка, наступает темнота.

© Владимир Плисс, 2022

© Vladimir Pliss, 2022